

АФРИКА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

ВСПОМИНАЯ ЗОЮ ЛЕОНИДОВНУ ПУГАЧ: К ИСТОРИИ ОТДЕЛА АФРИКИ И АФРИКАНСКОГО СОБРАНИЯ МАЭ РАН

В 1956 г. в кадровый состав Ленинградской части Института этнографии (ИЭ) АН СССР (так тогда называлась теперешняя Кунсткамера — МАЭ РАН, Санкт-Петербург) была включена группа выпускниц кафедры африканистики Восточного факультета ЛГУ, помнится, человек девять. Это был целый курс молодых специалистов по языкам Африки. Этот факт был связан с тем, что по инициативе заведующего кафедрой африканистики Востфака и сектора Африки Института этнографии Дмитрия Алексеевича Ольдерогге была организована работа по составлению словарей языков хауса и суахили. Среди новичков были Е.Н. Мячина, З.Л. Пугач, И.Н. Быкова, М.А. Смирнова, И.А. Осницкая, Г.Д. Шипова. Их распределили в две группы. Одна под руководством Е.Н. Мячиной начала работу по составлению суахили-русского словаря. Другая — по составлению хауса-русского словаря. Руководила этой группой Зоя Леонидовна Пугач.

Работа по словарям была трудной. Такое издание готовилось у нас впервые и требовало и кадровой подготовки на высоком уровне и мощного научного руководства. И вот эти важные составляющие оказались в нужное время и в нужном месте. В этой атмосфере творческой деятельности и началась самостоятельная работа Зои Леонидовны. Несколько лет продолжалась подготовка словарей, и эти труды были успешно завершены и изданы. Через три года после начала словарной работы к руководству группы хауса приступила И.А. Осницкая. Закончившая к тому времени аспирантуру Зоя Леонидовна продолжала трудиться в этой словарной группе.

Для того чтобы завершить этот небольшой экскурс в историю ленинградской африканистики, следует напомнить, что 1960–1980-е годы в мире

Сотрудники отдела Африки МАЭ.
В нижнем ряду крайняя справа — Зоя Леонидовна Пугач.
Фотография из личного архива К.П. Калиновской

были — в научном, да и в политическом контексте — периодом высокой популярности деятельности ленинградских научно-образовательных учреждений — кафедры африканистики на Восточном факультете ЛГУ и сектора Африки в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Это связано прежде всего с двумя обстоятельствами. Первое — образование в Африке независимых государств, которые выступили мощным политическим фронтом на арене мировых событий. Второе — руководство ленинградской африканистикой Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге, давно широко известным ученым, педагогом, музейным деятелем, организатором науки.

Тогдашние политические элиты многих стран Африки выдвинули в активную жизнь немало незаурядных лидеров, понимавших современное значение популяризации и в научном мире тем и проблем по истории, этнографии и культуре народов Африки. Вот почему многие из них стремились приехать в Ленинград, познакомиться и выразить свое уважение и благодарность Дмитрию Алексеевичу, ученому с мировым именем, организовавшему вокруг себя школу преданных науке учеников-единомышленников.

Одновременно с работой над созданием словарей Д.А. Ольдерогге организовал в секторе Африки разработку источников по этнографии и истории Африки, издание специальных сборников научных статей по разным проблемам. Ольдерогге в своей преподавательской практике опирался, если можно так сказать, на три постулата. Он утверждал, что африканистом может стать только тот, кто освоит (1) языки, (2) этнографию и историю и (3) материаль-

ную культуру Африки. Все эти предметы преподавались студентам на кафедре ЛГУ, а музейная практика была обязательной и для студентов, и для сотрудников сектора Африки.

В секторе Африки была группа по источникам и по этнографии и истории Африки (В.В. Матвеев, Л.Е. Куббель, М.А. Толмачева) и музейная группа (З.П. Акишева, К.П. Калиновская). В работу последней входила подготовка временных и постоянной экспозиций по материалам фондов ИЭ, научное изучение предметов материальной культуры. Сотрудники также принимали гостей сектора Африки, не только знакомя их с опытом составления словарей, но и показывая экспозицию «Народы Африки» в зале музея.

Атмосфера в секторе была особенно творческой, дружеской и очень интересной. Я в те годы много занималась в музее под руководством З.П. Акишевой. Позднее к нам присоединилась И.Н. Голованова. Но кроме постоянной музейной деятельности у всех нас были свои научные темы исследований. Д.А. Ольдерогге любил переустраивать структуру сектора и, как сейчас сказали бы, менять его формат. Вот так он однажды прибежал (да, Шеф обычно не «ходил», а «бегал», и за ним нелегко было поспевать, особенно по лестнице) и собрал нас за знаменитым «круглым столом» (за ним всегда проходили заседания) в Египетском кабинете. Дмитрий Алексеевич объявил, что И.Н. Голованову (а она тогда была его референтом) переводит в новую музейную группу. В эту же группу Шеф включает З.Л. Пугач, а меня «пересаживает» в свой кабинет референтом.

Это прозвучало громким «взрывом». Зоя Леонидовна подошла ко мне чуть не плача: «Как же я буду работать с коллекциями?! У меня ведь артроз, руки болят, а многие вещи тяжелые, и их перетаскивать надо, описи делать и еще реставрировать!» Я как могла ее утешала... Это было начало Зоиной долгой музейной работы. Потом она полюбила этот новый для нее род деятельности, вошла во вкус. Можно сказать, Зоя Леонидовна и материальная культура нашли друг друга. В связи с этим должна отметить одно из многих замечательных качеств Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: он редко ошибался в людях, определяя их на ту или иную работу, а нас всех к тому же хорошо знал со студенческой скамьи. Он недаром ввел З.Л. Пугач в музейное дело. Тот, кто знаком с этой сферой, знает, что музейщики — особая профессиональная категория людей. В большинстве своем это абсолютно честные, бескорыстные и ответственные люди, работающие не за страх, а за совесть. Этой характеристике полностью соответствовала и Зоя Леонидовна Пугач.

Сначала ей все давалось нелегко. И руки у нее болели, и химия, с которой приходилось иметь дело, вызывала аллергию, трудно было привыкнуть к новому режиму. Но постепенно З.Л. Пугач освоилась с новой постоянной работой. В немалой степени этому помогал и характер Зои Леонидовны. Она была очень добрым человеком, преданным своим близким. Ведь вещевой коллекционный материал — это все равно, что дети. К нему можно относиться только по-доброму, а иначе — нельзя. Вот Зоя Леонидовна так и любила свой материал, как детей.

Долгое время З.Л. Пугач работала с большой коллекцией В.В. Юнкера по Центральной Африке. Знаний за годы собралось много. Возникла идея изда-

ния этой коллекции. И тут надо отметить еще одну важную черту Зои Леонидовны — скромность. Помню, сколько усилий приложили мы все, сотрудники сектора, чтобы уговорить ее приступить к работе над книгой по коллекции Юнкера. Зоя Леонидовна подходила ко всему очень основательно. Знала язык хауса, любила Африку, работала всегда ответственно. Но большая скромность и неуверенность в себе мешали ей сделать книгу. Однако хоть и не так скоро, как хотелось бы, но все же удалось довести эту работу до издания [Пугач 1985]. И этот труд стал большой заслугой З.Л. Пугач перед африканистикой, учитывая, что этнографические коллекции вообще редко публикуются.

Я долгие годы дружила с Зоей Леонидовной. Мы даже жили на соседних улицах — она на Фонтанке, я — на Моховой. Мы с нею каждый день встречались у входа в Летний сад, что перед Инженерным замком, и дальше шли пешком по изумительной красоты петербургскому маршруту: по главной аллее Летнего сада, затем через ворота в знаменитой его решетке выходили на набережную Невы, шли по ней до Дворцового моста, по которому переходили на другой берег Невы к Кунсткамере. Трудно передать ту радость и удовольствие, которое мы переживали на этом пути к любимой работе в Институте этнографии. Это хранит память в душе как редкие моменты счастья.

З.Л. Пугач была очень доброй и гостеприимной. Мы нередко собирались вне работы, целой группой и чаще всего у Зои Леонидовны. Всегда было шумно, весело и интересно. У Зои все чувствовали себя свободно, раскованно, как у себя дома. Как немногие, она всегда приходила на помощь, поддерживала в трудную минуту любого из нас, кто нуждался в данный момент. И все знали, что Зоя — друг, который не подведет.

Последние годы мы редко общались, живя в разных городах. Но когда эти моменты случались, мы всегда обсуждали музейные дела, которые нас постоянно беспокоили, заботили, тревожили. В последний раз, за год до смерти Зои Леонидовны, мы с нею говорили по телефону. Она приехала в Москву и позвонила мне перед отъездом. Очень было жаль, что не встретились. З.Л. Пугач хотела посетить наш этнографический музей в Институте этнологии и антропологии РАН. Но не учла, что в январе все на каникулах, и потому не дозвонилась в Институт, а перед отъездом уже не оставалось времени. И в этот последний разговор основной темой был музей, за который Зоя Леонидовна по-прежнему остро переживала как за что-то близкое, родное. Вероятно, «бывших» музейщиков не бывает. Даже уйдя на заслуженный отдых, оставив активную профессиональную деятельность в области материальной культуры, музейный работник продолжает мыслить, жить как хранитель общенародного достояния. И пример этому феномену в этнографии — Зоя Леонидовна Пугач. Такой она будет в памяти тех, кто с нею работал, дружил, кому она помогала и в труде, и в жизни.

К.П. Калиновская

* * *

Зоя Леонидовна Пугач изучала этнографические коллекции, биографии их собирателей и оказывала неоценимую помощь молодым исследователям в подобной работе. Таким образом, мы совместными усилиями продолжали традицию описаний музейных собраний, которые абсолютно необходимы для полноценного функционирования музеев и призваны стать своего рода путеводителем по культурам. Прежде «немые» предметы и целые коллекции «обретают голос». Проясняются исторический контекст формирования музейных собраний и обстоятельства, сопровождавшие коллекционирование.

В процессе изучения африканских, в том числе камерунских, вещевых коллекций МАЭ РАН [Турьинская 2009] невозможно было не обратиться к истории их складывания и к личности их собирателей. Проводя исследования, я постоянно получала содействие со стороны Зои Леонидовны, которая сама в свое время стала автором ценного научного труда, посвященного культуре населения верховьев Нила и написанного по материалам путешествий и коллекций В.В. Юнкера [Пугач 1985]. В этой работе, помимо скрупулезного описания и анализа музейных коллекций, характеристики хозяйства и культуры изучаемых африканских сообществ, заметное место отведено фигуре ученого-собираателя. И это необходимое условие для создания полной, всеохватной картины научного труда по изучению материальной культуры «в поле» и в стенах музея.

В африканском музейном фонде МАЭ РАН привлекает внимание обширное собрание этнографических предметов из Камеруна, в котором особо выделяются — как по количеству единиц хранения, так и по научному и художественному качеству — коллекции Альфреда Мансфельда (1870–1932). Деятельность самого собирателя в Юго-Западном Камеруне, в бассейне р. Кросс, представляет одну из интереснейших страниц истории Западной Африки и истории науки [Турьинская 2010: 77–84].

В ходе борьбы и острой колониальной конкуренции в Африке между Великобританией, Францией и Германией Камерун оказался под протекторатом последней в 1884 г. С середины XIX в. европейскими экспедициями проводились исследования различных районов страны. Западный Камерун — один из регионов, ставших ареной соперничества между британскими и немецкими колонизаторами. С 1880–х годов инициатива в изучении и колонизации Камеруна перешла к Германии. В результате ряда англо- и франко-германских соглашений постепенно оформились границы германской колонии Камерун [Rudin 1938: 59–75].

К началу XX в. территория Юго-Западного Камеруна была исследована и освоена неравномерно. Немецкий исследователь граф Эуген фон Цинтграф первым из европейцев достиг верховьев реки Кросс близ границы с Нигерией — британскими колониальными владениями — и вступил в контакт с племенем баньянг в 1888 г. [Zintgraff 1895: 96–129]. В последующие годы в этом районе был проведен ряд немецких военных экспедиций. В результате завоевательных походов основывались военные и административные станции, становившиеся опорными пунктами германских коммерческих фирм.

Ко времени прибытия гражданского чиновника А. Мансфельда на службу в Юго-Западный Камерун (1904 г.) в этом районе уже сложилась колониальная административная система, включавшая деление на округа. В первые годы XX в. во внутренних областях германского Камеруна управление перешло от военных командиров опорных пунктов к гражданским властям. Мансфельд был поставлен во главе округа Осидинге (ныне округ Манью — Manyu division — с центром в г. Мамфе) в бассейне реки Кросс (Манью). Станция Осидинге была основана в 1901 г. Деятельность А. Мансфельда в Камеруне относится к периоду пребывания в ранге губернатора таких известных колониальных деятелей, как Йеско фон Путткамер (до января 1906 г.) и Теодор Зейц (июль 1907 — август 1910). Зейц с 1910 по 1915 г. занимал пост губернатора Германской Юго-Западной Африки, с 1920 г. — президента Германского колониального общества (Deutsche Kolonialgesellschaft — DKG), организации, являвшейся одним из инструментов германской колониальной политики, с 1936 г. передавшей свои функции Reichskolonialbund'у.

Население Юго-Западного Камеруна и Юго-Восточной Нигерии являло собой культурное единство племен, говорящих на языках группы бенуэ-конго нигеро-кордофанской семьи, разделенных границей германской колонии Камерун и владений Великобритании. Речь идет об экои (эджагам), боки и других родственных им группах. Их занятия — ручное земледелие, охота и рыбная ловля, в некоторых районах животноводство, развиты разнообразные ремесла — гончарство, ткачество, плетение, резьба по дереву. Сохраняются традиционные верования, возрастные институты, мужские и женские тайные союзы, пиктографическая письменность *нсибиди*.

В Юго-Западном Камеруне на территориях, приграничных с Нигерией, как и в ряде других районов страны, германские власти столкнулись с сопротивлением африканцев колониальным порядкам. Предшественник А. Мансфельда граф Пюклер-Лимбург, первый гражданский начальник (в 1902–1904 гг.) округа Осидинге, был убит в 1904 г. на территории расселения племени аньянг. Аньянг напали на руководимую окружным начальником военную экспедицию, целью которой было открытие новых районов для торговли немецких коммерсантов, действовавших под эгидой концессионного общества «Гезельшафт Нордвест-Камерун» [История 1983: 74].

Убийство окружного начальника и бегство немногих уцелевших наемников из числа «охранной части» послужило непосредственным поводом для начала восстания, получившего название «Nraw Manku» или «Mrautanku war» [Röschenthaler 2009: 123]. Оно охватило район, населенный аньянг, боки, эджагам и баньянг. Причиной восстания стали недовольство африканцев методами германского колониального господства, жесткий нажим по отношению к коренному населению со стороны колонизаторов и их пренебрежение к местным культурным традициям. Восстание было подавлено охранными войсками, полгода понадобилось колониальным властям для «умиротворения» округа.

А. Мансфельд, заступивший на службу в качестве гражданского окружного начальника, должен был учитывать сложившуюся здесь ситуацию. В том же 1904 г. административный центр округа был перенесен из Осидин-

ге в Мамфе. А. Мансфельду, энергичному и умелому администратору, удалось установить стабильные отношения с местным населением, о чем может свидетельствовать факт весьма продолжительного пребывания чиновника на своем посту. Служебная деятельность А. Мансфельда в Осидинге продолжалась до того времени, когда в ходе Первой мировой войны территория Камеруна была оккупирована (с апреля 1914 г.) англо-французскими войсками и Германия потеряла свою колонию [Фокин 2003: 50]. С марта 1916 г. власть в Юго-Западном Камеруне перешла к Великобритании. С 1920-х годов округ Осидинге, получивший название Мамфе, в составе британской подмандатной территории — Южного Камеруна — управлялся из Нигерии.

Африканцы неслучайно прозвали А. Мансфельда «доктор Мамфе» и «доктор Мамфред». Он искренне интересовался культурой коренных жителей региона, куда был назначен нести службу. Мансфельд разделял убеждение тех германских государственных и общественных деятелей, служащих и представителей науки, которые полагали, что для того, чтобы приобрести, удержать и освоить колонии, необходимо тщательно изучить во всей полноте культуру, быт, хозяйство местного населения. Этому мнения придерживался и директор Берлинского этнографического музея Феликс фон Лушан, способствовавший становлению и развитию прикладной этнологии [Марков 2004: 38–39] — науки, которая была призвана обеспечить проведение «реалполитик», сопровождать империалистические захваты и облегчить колониальную практику. Ученый направлял научную и музейную деятельность ряда исследователей, проводивших в Африке этнографические и антропологические работы [Турьинская 2008: 145].

А. Мансфельд особо отмечал, что именно профессор фон Лушан вдохновил его [Mansfeld 1908: VII], офицера медицинской службы и колониального чиновника, не имевшего специального этнологического образования, на исследование культуры африканцев. От Ф. фон Лушана в 1904 г. он получил необходимые инструкции для этнографических работ и для сбора коллекций. В результате многолетних систематических скрупулезных исследований Мансфельду удалось исследовать и описать культуру племен бассейна реки Кросс на камерунско-нигерийском пограничье — экои, обанг, кеака, аньянг, баньянг, боки, бакого, хауса. Также им были собраны здесь обширные и ценные вещевые коллекции, которые пополнили фонды этнографических музеев Дрездена, Берлина, Штутгарта, а затем и Санкт-Петербурга [Zemanek 2009: 74].

Наряду с А. Мансфельдом изучением культуры экои занимался известный британский ученый П.А. Талбот, работавший в те же годы (с 1907 г.) в качестве колониального служащего по другую сторону границы, на юго-востоке Нигерии, и в частности, в населенном экои округе Обан. Как и Мансфельд, Талбот был не только успешным администратором, но и вдумчивым исследователем. П.А. Талбот в период службы А. Мансфельда посещал территорию германского Камеруна, а именно округ Осидинге. Британский чиновник в сопровождении немецкого «коллеги» объехал ту часть округа, где проживали экои, и ознакомился с их жизнью и бытом. Полученные данные были использованы Талботом в его научных трудах, посвященных культуре экои [Talbot

1912; Talbot 1969]. Одним из ранних исследователей народов, населявших германскую часть бассейна реки Кросс, был также Ф. Сташевский, который вслед за А. Мансфельдом занимался изучением баньянгов [Stashevski 1917].

По материалам своих исследований 1904–1907 гг. А. Мансфельд в 1908 г. в Берлине опубликовал прекрасно иллюстрированную книгу («Urwald-Dokumente. Vier Jahre unter den Crossflussnegern Kameruns»), в которой впервые в мировой науке в столь полном объеме даны сведения о регионе Кросс Ривер и о разных сторонах жизни аборигенного населения по «этнографическим рубрикам». В монографии представлены племенной состав, демографические характеристики и «этническая история», поселения и жилище, транспорт, хозяйство, домашняя утварь, пища, одежда и украшения, искусство изобразительное, пластическое и музыкальное, социальная структура, обряды жизненного цикла, религиозные представления, фольклор, медицина и др.

Показательно и символично, что двадцать лет спустя в Мюнхене А. Мансфельд публикует в дополнение к первой книге второй свой труд, посвященный населению этого региона — междуречья Кросс и Бенуэ в Западной Африке [Mansfeld 1928]. Первую книгу («Urwald-Dokumente») автор посвятил президенту Германского колониального общества герцогу Иоганну Альбрехту Мекленбургскому. На издание же новой книги («Westafrika»), выпущенной уже после потери Германией колоний, Мансфельда сподвигла «тоска по тропикам» и желание напомнить германскому народу о колониальной идее, которую в Германии, впрочем, никогда и не забывали.

Именно в этот период (с 1920-х годов) страна готовилась к реваншу за поражение в Первой мировой войне, усиливала свою экономическую и военную мощь. В Германии в этот период формировалась новая колониальная идеология и политика, возрождалось массовое колониальное движение. Издание новой книги А. Мансфельда о Камеруне шло в русле идеи о необходимости вернуть утраченные территории. После Первой мировой войны он находился на службе в германских колониальных структурах. «Доктор Мамфе» активно общался не только с африканцами — жителями Камеруна, но и с камерунцами, оказавшимися на территории Германии. Мансфельд участвовал в работе образованного в 1913 г. Немецкого общества по защите туземцев (Deutsche Gesellschaft für Eingeborenenschutz), а затем созданного ему на смену в 1925 г. Немецкого общества по изучению туземцев (Deutsche Gesellschaft für Eingeborenkunde). Функцией общества было, с ведома и по поручению министерства иностранных дел, изучение культуры аборигенов и помощь жителям бывших германских колоний, а также тем африканцам, которые оказались на территории Германии [Aitken 2011: 107; Aitken, Rosenhaft 2013: 139]. В 1930 г. Мансфельд вернулся в Мамфе в качестве сотрудника международной компании.

В деятельности А. Мансфельда воплощается тесная связь реалий колониальной политики и целей научного исследования. При этом изучение культуры народов региона проводилось им в полном соответствии с традициями и методикой европейской этнологической науки. Запись информации дополнялась иллюстрациями и фотофиксацией явлений культуры, а также сбором вещевых этнографических коллекций. К монографиям Мансфельда обраща-

лись и продолжают обращаться исследователи истории и культуры Западной Африки.

Россия не участвовала в колониальных захватах на Африканском континенте, имела меньше геополитических стимулов и финансовых возможностей направлять туда исследователей. В то же время в русском обществе сформировался устойчивый интерес к истории и культуре африканцев, а отечественные музеи приступили к формированию африканских собраний.

Замечательной вехой в музейной жизни Санкт-Петербурга стало приобретение Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) АН в 1909 г. собрания Альфреда Мансфельда, состоящего из почти 500 камерунских этнографических предметов [Искусство 1968]. В целом же африканские вещевые фонды музея насчитывают в настоящее время свыше 13 тыс. ед. [Кунсткамера 2009: 120]. В мансфельдовское собрание входят шесть коллекций, отражающих культуру и быт экои, обанг, кеака, аньянг, баньянг, боки, хауса. Многие предметы из этих коллекций опубликованы в первой книге А. Мансфельда.

Собрание Мансфельда (коллекции 1602, 1603, 1604, 1605, 1607, 1608) содержит домашнюю утварь и хозяйственные орудия (сумки и мешки, корзины, посуду, лампы, лопатки для растирания клубней, ступки и песты, воронки, обручи для влезания на пальму, станок для плетения циновок из пальмовых волокон), предметы обихода и интерьера, рыболовные принадлежности, охотничье снаряжение, оружие, магические предметы, танцевальные костюмы, маски, наголовники, украшения, посохи, трон вождя кеака, ритуальные жезлы и столбы — изображения предков, орнаментированные знаками пиктографического письма *нсибиди* калесасы экои и вееры новоиницированных девочек кеака, барабаны и музыкальные инструменты, игрушки и многое другое.

Обратим внимание, в частности, на антропоморфные маски экои, изготовленные из дерева и покрытые кожей (антилопы?) [Röschenthaler 1999: 95–97]. Маски использовались в обрядах Экпо/Нгбе — мужского тайного общества «(людей-)леопардов» («Leopard society»), функционирующего и поныне по всему региону Юго-Восточной Нигерии и Юго-Западного Камеруна [Ruel 1969: 217–231]. Сведения об этом тайном союзе и изображения масок можно найти в исследованиях А. Мансфельда. Для усиления натуралистического эффекта в антропоморфных масках (шлемах и наголовниках в виде голов и фигур) экои человеческие черты воспроизводятся с анатомической точностью. Натурализм этих масок, как предполагают, имеет связь с традициями существовавших у экои ассоциаций охотников за головами [Brain 1980: 105; Мириманов 1986: 109].

Предметы из коллекций А. Мансфельда в МАЭ РАН характеризуют основные стилевые особенности масок и скульптуры экои, а также родственных им племен района р. Кросс. Собрание иллюстрирует различные стороны хозяйства и общественной организации, материальной и духовной культуры населения региона, по праву является одной из жемчужин МАЭ. Вещи из мансфельдовского собрания занимают видное место на постоянной экспозиции Кунсткамеры. Имя Альфреда Мансфельда вписано как в историю Камеруна, так и в историю африканистики и музейного дела. Его коллекции

и книги служат ценным источником для изучения искусства и быта населения Западной Африки.

Африканские коллекции, хранящиеся в российских музеях, составляют часть культурного наследия нашей страны, и их сохранением и популяризацией мы обязаны таким уникальным специалистам и энтузиастам музейного дела, как Зоя Леонидовна Пугач.

Х.М. Турьинская

Библиография

Искусство Тропической Африки в собраниях СССР / Сост. Г.А. Чернова; под ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1968.

История германского колониализма в Африке / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 1983. Кунсткамера. 295 лет. История, исследования, коллекции. СПб., 2009.

Марков Г.Е. Немецкая этнология. М., 2004.

Мириманов В.Б. Искусство Тропической Африки: Типология. Систематика. Эволюция. М., 1986.

Пугач З.Л. Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера). М., 1985.

Турьинская Х.М. Из истории африканистики и музейного дела: этнограф и антрополог Ян Чекановский // Человек, общество, цивилизация в Африке. История и современность. М., 2008. С. 145–153.

Турьинская Х.М. Камерунские этнографические коллекции в собрании МАЭ РАН // Африканский Сборник — 2009 / Отв. ред. В.Ф. Выдрин. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 156–164.

Турьинская Х.М. Альфред Мансфельд и изучение народов Западной Африки // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание: Мат-лы междунар. науч. конф. ИВИ РАН, ИСАА МГУ. Москва, 17–18 сентября 2009 г. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77–84.

Фокин С.В. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии (конец XIX – 30-е годы XX века). М., 2003.

Aitken R. Surviving in the Metropole: The Struggle for Work and Belonging amongst African Colonial Migrants in Weimar Germany // Belonging in Europe — the African Diaspora and Work / Ed. by C. Bressey and H. Adi. Abingdon: Routledge, 2011. P. 99–119.

Aitken R., Rosenhaft E. Black Germany: The Making and Unmaking of a Diaspora Community, 1884–1960. Cambridge, 2013.

Brain R. Art and Society in Africa. L.; N.Y., 1980.

Mansfeld A. Urwald-Dokumente. Vier Jahre unter den Crossflussnegern Kameruns. Berlin, 1908.

Mansfeld A. Westafrika. Aus Urwald und Steppe zwischen Crossfluss und Benue. München, 1928.

Röschenthaler U. Of Objects and Contexts: Biographies of Ethnographica // Journal des Africanistes. Année 1999. Vol. 69. No. 1. P. 81–103.

Röschenthaler U. The Submerged History of Nsanakang: A glimpse into an Anglo-German Encounter // Encounter, Transformation and Identity: Peoples of the Western Cameroon Borderlands, 1891–2000. Cameroon Studies. 2009. Vol. 8. P. 110–140.

Rudin H.R. Germans in the Cameroons 1884–1914. A Case Study in Modern Imperialism. New Haven, 1938.

Ruel M. Leopards and Leaders. Constitutional Politics among a Cross River People. L., 1969.

Stashevski F. Die Banjangi. Überarbeitet und Herausgegeben von B. Ankermann / Baessler-Archiv. Beiheft VIII. Leipzig; Berlin, 1917.

Talbot P.A. In the Shadow of the Bush. L., 1912.

Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. [New Impr.]. Vol. I–IV. L., 1969.

Zemanek D. Auf den Spuren von Alfred Mansfeld. Die Kunst und Kultur der Ejagham // A4. Magazin für Aussereuropäische Kunst und Kultur. 2009. No. 1. S. 74–78. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tribal-art-auktion.de/press> (дата обращения: 15.09.2016).

Zintgraff E. Nord-Kamerun. Berlin, 1895.